

Ван Шухуа окончательно выбилась из сил после того, как её называли «мамой», и теперь чувствовала себя так, будто ударила кулаком в вату — злость клокотала внутри, а выхода ей не было. Сжимая в руках миску с супом, она лишь недовольно пробормотала что-то себе под нос и отправилась к пристройке на заднем дворе, где жила сама.

Лу Чжао тоже опешил. В его памяти Гу Хуайцзинь всегда оставался заносчивым гордецом: какая там готовка, ему бы и в страшном сне не приснилось стать зятем-примаком, за такое его могли бы и прибить восемьсот раз. Неужели он так испугался того вдовца?

Оставшись в одиночестве, Гу Хуайцзинь выложил обжаренную курицу на тарелку, вымыл вок и сварил себе немного лапши на воде. Несмотря на то что куриный суп пах изумительно, а сам он изрядно проголодался, Гу Хуайцзинь побоялся есть слишком жирное сразу после лекарства. В итоге он смешал лапшу с бульоном. Помимо двух порций, которые он отложил для себя, он приготовил миску и для Лу Юня с Лу Нянем.

Брат с сестрой часто уходили на заднюю гору собирать дикорастущие овощи или хворост. Стоило им вернуться, как они тут же снова взяли корзины и отправились по делам.

Утолив голод, Гу Хуайцзинь порывлся на кухне и обнаружил, что, помимо сахара, там нашлись сычуаньский перец и бадьян.

Когда Лу Чжао закончил с едой, Лу Юнь и Лу Нянь вернулись с полупустыми корзинами хвороста. Едва переступив порог, они уловили аппетитный мясной аромат. Лу Нянь, будучи ребенком, возбужденно подбежал к Лу Чжао.

Гу Хуайцзинь вынес из кухни две порции курицы и протянул их Лу Юню. Девочка взглянула на него, расплылась в улыбке, приняла миску и с радостью принялась за еду, про себя подумав: «А «невестка», которую украл старший брат, вроде бы ничего такая».

Гу Хуайцзинь беспомощно улыбнулся. Неизвестно почему, но сейчас его тело чувствовало себя гораздо лучше, чем в тот момент, когда он очнулся.

В комнате.

Лу Чжао прибирался на маленькой кухоньке. Свадебную комнату украшали в спешке — в деревне так было принято, хоть как-то, но соблюсти приличия, даже если всё выглядело бедновато. В итоге большая часть вещей просто оказалась свалена в этой небольшой каморке.

Гу Хуайцзинь покрутился по комнате, не зная, куда приткнуться. Наконец, он подхватил деревянный таз, выбежал на улицу и зачерпнул воды. В зеркальной глади воды отразилось лицо: тонкие черты, высокий нос, глаза в форме феникса, четко очерченные губы и светлая

кожа. Волосы были собраны деревянной шпилькой: наполовину распущены, наполовину уложены в пучок.

Одетый в грубую льняную одежду, он выглядел невероятно красивым.

Лу Чжао увидел, как он зашел, а через мгновение уже выскочил с тазом. Сначала он хотел узнать, всё ли в порядке с Гу Хуайцзинем, но, подойдя к двери, увидел, как тот улыбается своему отражению в воде и довольно кивает. Лу Чжао молча отступил.

Похоже, слухи о том, что Гу Хуайцзинь самовлюблен и помешан на красоте, — чистая правда! И притом... он совсем не изменился с детства.

Налюбовавшись собой, Гу Хуайцзинь умылся и пошел готовить. Солнце еще не село, но, поискав в доме, он нашел лишь две свечи да керосиновую лампу. В воспоминаниях прежнего владельца тела обедали засветло, чтобы экономить масло.

Лу Чжао тоже вышел, чтобы помочь Гу Хуайцзиню развести огонь. Он хотел отправить того отдохнуть, опасаясь, что после болезни тот снова сляжет. Однако Гу Хуайцзинь не только отказался, но еще и решил, что Лу Чжао только мешает под ногами. Он усадил его у печи следить за огнем, а мытье, нарезку овощей и готовку на масле взял на себя.

Вскоре Гу Хуайцзинь приготовил два блюда, а остатки куриного супа с обеда обжарил с овощами. Ну и пусть транжирство, в конце концов, если он не будет «транжирить», то, скорее всего, даже этого не увидит — всё растащат другие.

Настало время ужина, и Ван Кунь вернулся с работы.

В обычные дни, без праздников, Ван Шухуа редко подавала мясо, чаще всего приходилось есть то, что добывал на охоте Лу Чжао. Из-за этого Лу Юню и Лу Няню почти ничего не доставалось, а теперь к ним добавился еще и высокий, длинноногий Гу Хуайцзинь.

Не говоря уже о том, есть ли у Лу Чжао и Гу Хуайцзиня брачный контракт, сам факт того, что Лу Чжао отдал семье Гу четыре ляна серебра и притащил человека домой — не означало ли это открытую борьбу со старым вдовцом?

Когда по деревне поползли слухи, вдовец привел людей к дому семьи Гу требовать объяснений. Го Цин и Чжао Хунмэй сначала пытались ломаться, надеясь удержать часть денег, но вдовец заговорил так скверно, что, указывая на них и вышедшую из дома Гу Шуй, пригрозил: если не вернут деньги, он всё равно утащит кого-нибудь из них в жены — он уже «битый горшок», ему терять нечего, хоть напоследок потешится.

Изначально он планировал потратить четыре ляна на красавца, а потом вытрясти из семьи Гу еще пятьдесят му земли, которые Гу Хуайцзинь получил как Сюцай. Тогда четыре ляна окупались бы с лихвой. А раз теперь ни человека, ни денег — он решил, что обязан хоть кого-то забрать.

Семье Гу пришлось вернуть вдовцу все деньги.

Хотя и говорят, что порядочные люди дважды не сватают, все судачили, что Го Цин и Чжао Хунмэй просто обезумели от жадности и пытались на этом разбогатеть. Но у них был свой расчет: Лу Чжао и вдовец предлагали одну и ту же сумму — четыре ляна, но вдовец еще хотел и землю, а Лу Чжао просил только человека. Кого бы на их месте не выбрали?

Ван Кунь тоже был недоволен Гу Хуайцзином. Вспомнив, что Лу Чжао выкупил его, лишь забрав четыре ляна у матери, он пришел в ярость. Весь день он тяжело трудился, и накопившееся раздражение выплеснулось наружу: Ван Кунь с грохотом швырнул миску на стол.

В его миске было больше всего каши из диких трав, и от удара половина пролилась.

Гу Хуайцзинь готовил на четверых — на себя и Лу Чжао с детьми. Позже, увидев, что Ван Шухуа и остальные тоже пришли есть, он лишь добавил воды. В мисках у Лу Чжао и Лу Юня риса было и так немного, поэтому, увидев такое расточительство, Лу Чжао помрачнел.

— Я говорю, второй брат, если нет денег, нечего строить из себя богача. Пусть он убирается, забирай свои четыре ляна обратно, а ты, Чжао, найди себе кого-нибудь нормального, чтобы получить приданое. Развели тут балаган! — недовольно проворчал Ван Кунь.

Лу Чжао молча опустил голову, продолжая есть. Гу Хуайцзинь поднял взгляд и, хлопая невинными глазами, уставился на разоряющегося Ван Куня, продолжая жевать лепешку.

Эта сцена разозлила Ван Куня еще больше.

— Не надо, старший брат Гу не должен уходить! — Лу Нянь, вылизав последнюю крупинку риса, отложил миску и взволнованно воскликнул.

Так его научил Лу Чжао сегодня днем. Изначально Лу Нянь хотел назвать его «невесткой», но брат велел звать его «старший брат Гу». К тому же этот «старший брат» был красивым и вкусно готовил. Мальчик видел, что Лу Чжао он нравится — по крайней мере, тот не был с ним холоден.

От этого крика Ван Кунь вышел из себя окончательно. Он был сыном Ван Шухуа от первого брака, пришел с матерью в этот дом, когда она вышла замуж за Лу Пэна, и именно на деньги Лу Пэна ему построили дом и сыграли свадьбу. Однако он вырос неблагодарным волком: на Лу

Чжао и младшего брата смотрел с неприязнью, особенно на Лу Няня. Ведь если Лу Няню нужно будет жениться, придется тратить деньги, не то что Лу Чжао или Лу Юнь, которых можно выдать замуж и получить огромный выкуп у состоятельной семьи.

<http://bllate.org/book/27158/3284721>